

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Выгодная сделка. Пакистанская народная сказка

В небольшой хижине подле обширного сада одного богача жил некогда со своей женой бедный дровосек. Из этого сада во двор старого дровосека свисала большая ветка грушевого дерева, унизанная крупными плодами.

Сжалился как–то богач над своими бедняками соседями и заявил:

– Ладно, если несколько груш и упадут с моего дерева к ним во двор, пусть подбирают, так и быть.

Вечно голодные старики с вожделением смотрели на поспевающие груши и приговаривали:

– О боже, пошли ветер, да посильнее, пусть он натрясёт нам побольше спелых груш.

Но, увы, ветер обходил их стороной, и старуха, недовольно ворча, кормила мужа только одним чёрствым хлебом. А трудиться приходилось пуще прежнего. Вот старик совсем и обессилел.

Существует поговорка, что даже червь и тот сопротивляется.

Так вот, однажды старик не выдержал и заявил, что больше в лес за дровами не пойдёт, если жена не приготовит ему кхичри¹.

– Да, ничего не поделаешь,– вздохнула старуха,– сбегаю к соседям, попрошу немного риса и масла, чечевица у меня есть, да и сварю кхичри. А то ведь совсем отощал мой старик.

Стала старуха готовить кхичри, но перед тем как накормить мужа, наказала ему пойти в лес и принести ещё одну вязанку дров.

Пошёл старик в лес, стал собирать сучья, а сам только и думает, как бы ему поскорее вернуться домой, где его ждет кхичри. Только он взвалил вязанку на спину, как из кустов высунул свой чёрный нос медведь и говорит:

– Скажи, старик, а что ты собираешься делать с этой вязанкой?

– Да вот старуха послала меня за дровами,– ответил дровосек и, смачно причмокнув, добавил: – Она приготовила дома вкуснейшее кхичри, но сказала, что даст мне поесть только тогда, когда я принесу ей вот эту вязанку дров. Ах, если бы ты знал, что это за кхичри, то истёк бы слюной только от одного его запаха!

У медведя от этих слов сразу же потекли слюнки. Как и все медведи, он очень любил поесть.

– Скажи, а если я принесу ей вязанку дров, она даст мне кхичри?

– Хм... Если вязанка будет большой, то, может быть, и даст,– неуверенно ответил старик.

– А если я принесу ей вязанку сиров на десять, тогда как? – спросил медведь.

– Нет, этого будет мало,– признался старик, думая, что жена ни за что не даст медведю кхичри. – Ты же знаешь, что это претличная еда из риса, сливочного масла и отборной чечевицы. Жена наверняка потребует много дров.

– Ну а если двадцать сиров?

– Нет, этого тоже будет мало, сиров тридцать, может быть, её устроят.

Медведь зачмокал губами, глаза его засверкали, и он прорычал:

– Ладно, договорились. Ступай домой и скажи жене, чтобы кхичри было тёплое, я скоро к вам приду.

Дровосек поспешил домой, чтобы сообщить жене, какую выгодную сделку он заключил с медведем: большая вязанка дров за маленькую толику кхичри.

– Ну что ж, неплохо,– сказала старуха,– ты заключил хорошую сделку.– Но, как всякая сварливая жена, она не захотела показать, что уж очень довольна, и спросила: – А ты узнал у медведя, сколько он хочет кхичри? Ведь он может проглотить всю кашу раньше, чем мы успеем съесть хотя бы одну ложку.

"Да,– подумал дровосек,– тут я,пожалуй, оплошал. Жена права, надо было договориться с медведем о его доле".

– Знаешь что,– заторопился старик, – давай сначала мы сами поедим, а то придёт медведь и всё съест.

Поставили они перед собой горшок с кхичри, да так увлеклись едой, что только за ушами трещало.

Не забыть бы нам о медведе, надо и ему немного оставить,– вспоминал время от времени старик.

– Да, да, – вторила ему жена с полным ртом,– не забыть бы нам и о его доле.

Не успели они оглянуться, как горшок опустел.

– Что же мы теперь будем делать? – испуганно спросил старик. – Ведь медведь должен вот–вот появиться.

– Не знаю, не знаю, это ты во всём виноват, не надо было есть так много,– стала укорять его жена.

– Да, ты, пожалуй, права, – лепетал старик.– Но и у тебя вон как аппетит разыгрался. Ты сама съела больше половины горшка.

– Ничего подобного! – возмутилась старуха. – Всем известно, что мужчины едят больше женщин.

– Ни одна женщина не ведёт себя так грубо, как ты,– обозлился старик. – Чтоб ты ни говорила, а дело сделано. Теперь поздно спорить, кхичри всё равно не осталось ни капельки. Вот медведь разъярится!

– Ну и ладно,– проворчала старуха. – А ведь как хорошо было бы, если он всё же притащил бы дрова. – И, поразмыслив, добавила: – Теперь послушай, что я придумала. Давай закрём дом, оставим горшок из–под кхичри на очаге, а сами спрячемся на чердаке. Медведь придёт, увидит горшок и подумает, что мы куда–то ушли. Дрова он сбросит, подойдёт к горшку, увидит, что он пуст, и, конечно, заревет от ярости. Но он нас не увидит, поревёт и отправится восвояси. А дрова–то он назад не заберёт, правда?

Старик покачал головой, удивляясь хитрости своей жены, и согласился с её планом. Закрыли они двери своей хижины, а сами спрятались на чердаке.

Предвкушая обещанное кхичри, медведь трудился на славу. Ведь наломать тридцать сиров дров было не так–то просто. Времени на это у него ушло уйма. "А может, старики скажут, что я мало принёс дров", – засомневался медведь.

В конце концов он собрал большую вязанку дров и потащил её к старикам. Смотрит, на очаге стоит горшок, а хозяев нет. Сбросил он дрова и заторопился к горшку, глядь – а он пустой. Ох как разозлился медведь! Даже ноздри у него задрожали от гнева. В горшке не было ни зёрнышка риса, ни одной чечевицы, ни следа масла. Остался только запах кхичри.

Глаза у медведя налились кровью. Заревев от ярости, он встал на дыбы, затем закувыркался как бешеный.

– Обманщики,– ревел он,– погодите, я вам покажу! Ни одной дровинки вы от меня не получите, всё утащу назад.

Но как и предвидела хитрая старуха, медведь настолько устал, что уж не мог даже поднять свою вязанку.

– Сейчас я отыграюсь на этих хитрецах! – рявкнул он. – Раз не удалось попробовать кхичри, пусть тогда хоть запах его будет со мной. Возьму–ка я с собой этот горшок.

И, прихватив горшок, медведь пошёл со двора. Смотрит, а над забором висят чудесные золотистые груши. Пасть медведя моментально наполнилась слюной – ведь он был так голоден.

В один прыжок он очутился на заборе, стал на задние лапы и, схватив самую большую грушу, проглотил её в одно мгновение. О, какие это были вкусные груши!

И тут его вдруг осенило: "А почему бы мне не прихватить с собой груш? Ведь ими можно будет угостить всю мою родню". И давай собирать спелые груши в горшок из–под кхичри. А что делать с зелёными грушами? Да не оставлять же их на дереве! Медведь стал и их поедать, хотя они были твёрдые и зелёные.

Старик со старухой сидели тихонько на чердаке и наблюдали через щелку за медведем. Но старая женщина была простужена и еле–еле удерживалась от чиха.

Медведь набрал полный горшок спелых груш и только хотел слезть с забора, как старуха не удержалась и громко чихнула: "Ап–чихи!"

Медведь с испугу отпрянул в сторону, думая, что кто–то пальнул в него из ружья, выронил горшок с грушами и пустился наутёк, да так, что только пятки засверкали.

Вот так дровосеку с женой досталось не только кхичри, но много спелых груш и большая вязанка дров. А бедняге медведю только боли в животе от зелёных груш.

¹ Кхичри – каша из риса и чечевицы или других бобовых.

² Сир – мера веса, равная в Пакистане 933,1 г.